

ОКО ДЕЛЬФИНА

Океан шумел вокруг замирающим шумом. До этого несколько дней подряд стояла прекрасная погода: океан вздыхал спокойно и мощно. Теперь же, словно притворяясь усталым, он тихо копил свою ярость, – Питер Стайлз чувствовал это. Золотисто-синие и фиолетовые тона медленно исчезали по всему горизонту, они отдавали свое место серым и чуть желтоватым, солнце тускнело. Стайлз, ощущая тяжесть в надбровьях, еще раз окинул взглядом подходы к архипелагу. Море было пустынно. Лишь на мысе соседнего островка мерцало Око дельфина. Но маяк не должен гореть днем. Хуан – этот старый пьяница – второй день не ездит гасить маяк. Стайлз энергично, через две ступени, шагнул на крыльцо своего домика. Сифон был пуст, и это разозлило его еще больше. Странно, но сейчас Питер Стайлз был рад своему раздражению.

* * *

— Сэр, ночью маяк снова погас, – Хуан сделал движение челюстью, не зная, куда сплюнуть табачную жвачку. Его кривой, сломанный в портовой драке нос очень сильно напоминал клюв гарпии. Физиономия старика была лишена всякой симметрии. Не меняя выражения, но внутренне улыбаясь, Стайлз поднялся с плетеного стула:

— Что ты говоришь, Хуан?

— Он погас через два часа после захода солнца.

— Ямайский ром не идет тебе на пользу.

Стайлз налил из бутылки четверть стакана. Но старик даже не обернулся. Он продолжал стоять, шевеля челюстью и глядя в открытую дверь. Глухой шум океана поглотил его бормотание, Стайлз разобрал лишь упоминание о дьяволе.

— Тебе надо основательно выспаться, – сказал Стайлз. – Ты очень устал, Хуан. Сколько прошло лет, после того как ты укрощал мустангов? Я тоже был не то, что теперь.

— Сэр, вы можете считать меня сумасшедшим. Но не верить своим глазам... – он наконец сплюнул жвачку, – не верить своим глазам у вас не останется смелости.

— Но он же горит, Хуан? – Стайлз кивнул на горящее в полумиле от них Око дельфина.

— Да, но сейчас день! – Хуан вдруг утратил всю свою невозмутимость. – Ночью оно гаснет, это чертово око!

— Может, кончился газ? Или неисправна горелка? – Стайлз хлопнул старика по плечу. – Мы проверим горелку вместе, старина.

Но это еще больше взбеленило Хуана.

— Вы хотите сказать, что зря платите мне деньги? – Хуан сразу стал спокоен и с поспешностью заковылял прочь.

Питер Стайлз улыбнулся, ощущая раскаяние. Пожалуй, он больше не вернется, этот бродяга. Будет, как и прежде, ловить макрель, спать в своей сколоченной из такелажных обломков хибаре, спать, чтобы вновь и вновь испытывать процесс опьянения. Доброта ирокеза будет толкать его обратно, на этот хотя и относи-

тельно, но все же цивилизованный остров. Но гордость испанца вкупе с благоприобретенным упрямством оставят его там. В рыбацком поселке чилийцев, что в шести морских милях от владений Стайлза. Да, старый Хуан явно сдал, ему не мешало бы полечиться. А может, он просто плохо или вовсе не видит ночью?

К полудню шум океана вновь нарастал, небо затягивалось охристой дымкой. Питер Стайлз взглянул в окно: Око дельфина горело неярко в свете мглистого солнца... Но оно горело, горело спокойно и ровно. Это была небольшая, сложенная из плитняка башенка, сооруженная вскоре после того, как на архипелаге открыли эту дурацкую руду, которая вдруг дозарезу понадобилась всему миру. Компания на свои средства соорудила Око дельфина. Им пришлось-таки раскошелиться, когда две фелуки, груженные продовольствием и дорогим оборудованием, накололись на рифы.

Это было опасное место. Мощная прядь морского течения упиралась прямо в островок за нешироким проливом, здесь она делилась надвое, погашая свою силу на его подступах. Дело усугублялось ветрами, которым в осенние и зимние месяцы было не по пути с движением океанской воды. Чтобы не угодить на рифы или не быть втянутым в опасный пролив, судно должно, преодолевая встречные ветры, каждый раз огибать остров с Оком дельфина, затем, меняя галсы и маневрируя, не торопясь подвигаться к бухте архипелага.

Око дельфина светило спокойным, слегка мерцающим светом, Питер Стайлз ясно видел это, и ему стало снова жаль Хуана. Но чем он может помочь ему? Если старик не хочет ничьей помощи... И разве его, Питера Стайлза, не оскорбила бы любая подобная помощь? Пока ты обходишься без внешней помощи, ты еще можешь считать себя мужчиной. Не беда, что мужчина, если он умен и честен, никогда не бывает счастливым. Хуан, может быть, и не знает этого. Но то, что помощь Стайлза ему не нужна и обидна,— это он знает прекрасно. И теперь его не вернуть обратно... Он горд, этот старый пьяница.

Стайлз перевел взгляд на большой, уже несколько пожелтевший снимок дочери. Кристина была сфотографирована на теннисном корте. Азарт и бездуховность физических движений противоборствовали в ее улыбке с тонким очарованием сердечного удивления. В Гвиане она была совсем другой: ее улыбка тогда почти ничем не отличалась от гримасы детского горя.

Стайлз выплеснул содержимое стакана за дверь и задвинул ящик стола. Затем он принял душ и с наслаждением сменил сорочку. Пока еще он может позволять себе эту роскошь: каждые два дня менять сорочку. Впрочем, в тропиках это не было особой роскошью. Скорее это было необходимостью. Другое дело здесь, где большую часть года трудно поладить с океаном без свитера.

Стайлз закурил крепкую кубинскую сигарету и вытянулся на складной алюминиевой кровати, экономя наслаждение.

* * *

Он покинул Джорджтаун, когда Кристине исполнилось десять лет: у девочки еще не сформировались тогда ни походка, ни почерк. Незадолго до этого ее мать умерла от родильной горячки в больнице одного из обществ благотворительно-

сти. Молодящиеся чистоплотные дамы из этого общества считали Питера Стайлза единственным виновником смерти молодой женщины. Они не очень-то его чтили. Живущие вдали от родины, они слегка преувеличивали не только порядочность всех англичанок, но и благородство мужчин, плавающих под британским флагом. К тому же внешность Стайлза не соответствовала их идеалам: он казался им чуть ли не флибустьером. Но, может, они просто не знали, что он вернулся из девяти-месячного плавания всего за полгода до смерти жены? Да, они не очень-то его чтили. И они сделали все возможное, чтобы Кристина была отправлена в Англию, к тетке по матери. Эта старуха, по отношению к которой Стайлз был совершенно нейтрален, тоже сделала все необходимое, чтобы дочь годами не встречалась с отцом. И все-таки надо отдать ей должное. Она содержала в Лондоне приличный пансионат: Кристина рисковала стать вполне законченной леди. Впрочем, судя по письмам, чувство юмора относительно такой перспективы никогда не покидало его девочку. Стайлз втайне от себя гордился дочерью. Наверное, ему все же стоило помириться с дамами из благотворительного общества, но он не сделал этого.

Обогнув громадный южноамериканский материк, много лет скитаясь по чилийским портам, он растерял горечь своих обид. К тому же он не хотел быть каботажником. Божьей помощью он был моряк, а бросать чалки с вонючих джорджтаунских барж мог любой мальчишка-гуачос. Нет, он ни в чем не может себя обвинить, кроме собственной старости! Он ежегодно и аккуратно переводил положенные фунты в Лондонский банк: старуха не могла попрекнуть Кристину беспутным отцом. Он по-прежнему ни от кого не зависит. Кроме своей старости. Кроме этой проклятой ступни, раздавленной когда-то в Гуаякильском порту упавшим ящиком. Она, его правая ступня, перед каждым вздохом муссона начинает валять дурака...

Стайлз повернулся, ища глазами снимок, Око дельфина горело в низком окне красной горячей капелькой. Он вдруг представил себя счастливым отцом. Вот чилийское грузопассажирское судно, капитаном на котором его старый надежный друг, несколько суток тому назад вышло из Британской Гвианы. Оно уже давно миновало Панаму. Может быть, оно миновало уже и Галапагосские острова, если не пришлось заходить в один из колумбийских портов, чтобы пополнить запас угля. Кристина, его дочь, его девочка, прекрасно выдерживает многодневную качку. Должна, же сказаться хотя бы какая-то наследственность? Или все давно выветрилось в тихом дождливом благополучном лондонском пригороде? Нет, это было бы слишком хорошо для Стайлза. Он никогда не верил не только в слишком хорошие случайности, но и в слишком хорошие закономерности.

Его владения с дюжиной однообразных построек даже не нанесены на школьную карту. «Покинут людьми и богами». Чья же это строка? Стайлз когда-то знал многих поэтов. «Покинут людьми и богами...» Он жил здесь всего несколько месяцев. После того как компания очень вежливо, почти осторожно предложила ему эту работу. Да, Стайлз действительно был стар. Но его пенсии хватило бы лишь на еду и сорочки, слишком бедны эти мелкие южноамериканские компании. При всем этом правительства на континенте меняются чуть ли не каждое новолуние. Людям, которые сами себе присваивают воинские звания, то и дело устраивая перевороты, нет дела до Стайлза, у них полно своих забот...

Он встал, ощущая приближение какой-то неосознанной тревоги. Наступил час обеда, каждый день в это время были слышны голоса рабочих-чилийцев, возвращающихся с рудника. Он вспомнил, что сегодня воскресенье, что почти все они уехали к семьям в свои поселки. Этот чудак Хуан снова плел что-то насчет Ока дельфина... Почему он исчез? Кажется, Стайлз чем-то обидел его. Да, конечно. Он обиделся и исчез, когда Стайлз сказал ему что-то по поводу горелки Ауэра. Но почему он так настойчиво твердит о том, что Око дельфина не горит по ночам? Старик совсем спятил... Тревога все нарастала где-то в подсознании. Она переплеталась с недавним представлением о судне, идущем из Гвианы, о капитане, который посылает матроса отнести в каюту юной англичанки еду и кофе. Потом Стайлз вдруг вспомнил репродукцию с картины Жерико. Экипаж погибшей «Медузы» так отчетливо всплыл в памяти, что он застонал и, злясь на себя, налил рому.

Он не любил этих неясных и подсознательных ощущений. Сменив одежду, он решительно двинулся к берегу, отцепил ялик Хуана и с трудом столкнул эту посудину на волну. Стайлз давно не работал с веслами. Но прежние навыки тотчас вернулись, и ему стало весело: человеку всегда приятна встреча с минувшим. Он быстро оставил крохотную бухточку Хуана. Океан плевался уже довольно холодной водой, принесенной течением от самой Антарктики. Ялик нырял по проливу две трети часа, пока Стайлз не причалил на песчаном заишье. Защищенное скалами, это место было от маяка далеко, и Стайлз еще с полчаса шел по гололобым камням. Остров был печален и пуст, лишь Око дельфина напоминало о жизни. Стайлз поднялся по отлогой спиралевидной кладке на небольшую площадку, открытую на запад, север и юг. Здесь стоял баллон с газом и была установлена горелка Ауэра — жалкое изобретение полувековой давности. Впрочем, Стайлз тут же изобличил себя в неблагодарности к родовитому, но не менее даровитому австрийцу: горелка излучала мощный и ровный свет. Высокий стеклянный цилиндр, в котором помещалась горелка, был хорошо вычищен Хуаном и еще не успел закоптиться. Манометр баллона показывал нормальное давление, газ поступал в горелку без всякой утечки. Стайлз поправил систему линз, осторожно протер тряпкой вогнутое сферическое зеркало, отражающее от цилиндра пучок света. Все было в порядке. Око дельфина зорко глядело в серые безбрежные воды Тихого океана.

Он вернулся к себе уже под вечер и, ощущая забытую прелесть физической усталости, с аппетитом съел припасенный служителем ужин. Он уснул тотчас же, как засыпал когда-то в молодости. Океан глухо, всесветно шумел за стеной, зеленые звезды светили над домиком. Может быть, судно, ведомое его другом, уже в нескольких милях? Может быть, может быть... И он вновь сквозь сон ощутил приближение тревоги. Холод проник в его домик, но Стайлз долго не мог сбросить с себя тягучую пелену сна. Вернее, ему показалось, что он пробуждался слишком долго. Он вскочил и, не одеваясь, приник к окну, ища взглядом Око дельфина. В той стороне ничего не было видно. Он схватил бинокль и выбежал в ночь. Не чувствуя холода, он искал свет маяка, но видел лишь его неясные очертания.

Око дельфина не подавало никаких признаков жизни. Оно словно дремало, надеясь на зеленые звезды, и океан вслепую катил свои валы на скалы пролива, шумел широко и надменно.

Стайлз, согнувшись, вернулся в домик. Отбросив бинокль, он лег на кровать. Нет, он не сможет сейчас в одиночку преодолеть залив. Может быть, ему не столкнуться одному даже ялик. Куда же исчез этот проклятый старик? Вдвоем они бы смогли сплавить на остров. А может, ему все это только снится, может, это просто галлюцинации. Ведь старость предусматривает для человека не только пенсию... Но нет, он пока еще в своем уме. Око дельфина действительно не горит, старый Хуан прав. Но что произошло с Оком дельфина?!

Стайлз, то забываясь, то вновь вскакивая, еле дождался восхода. Когда солнце осветило серые морские валы, он сбросил оцепенение, выбежал из дома и взглянул вдаль. Маяк блеснул и снова погас, блеснул вновь и вдруг загорелся спокойно и ровно.

«Но ты же должен гореть ночью, – подумал Стайлз. – Почему ты горишь только днем? Черт возьми, я узнаю, почему ты не хочешь гореть ночью!» Вконец обессиленный, он швырнул на камни пустую бутылку, затем вошел в дом и с тем же чувством бросил свое тело на холодное и одинокое ложе. Он уснул тяжелым и пьяным сном, стараясь вернуть образ идущего из Панамы судна. Но только страх и тоска, впервые соединенные вместе, сомкнулись над спящим Питером Стайлзом.

* * *

Маяк горел весь день, и весь день Стайлз не мог найти себе места. Никогда в его жизни время не шло так медленно. Солнце, затканное охристой пеленой приближающегося шторма, не торопилось тонуть в серой океанской пустыне. Наконец оно опустилось совсем низко. Затем, растворенное водным горизонтом, расширилось, стало неясным и исчезло. Стайлз, сдерживая нервное возбуждение, не мигая, смотрел на Око дельфина. Холодные сумерки быстро сгустились, перешли в вязкую тьму. Маяк горел, казалось, все ярче и ярче. Стайлз, цепенея от холода, напряженно следил за ясным, все более отчетливым световым сгустком. От напряжения и все нарастающего ветра глаза заливало слезой. Он сходил в дом за свежим платком и сел на крыльцо, чтобы укрыться от ветра. Прошел еще час или полтора. Стайлз на минуту забылся и вдруг вздрогнул от какого-то внутреннего толчка, взглянул на Око дельфина. Ему показалось, что маяк начал медленно гаснуть. Да, маяк угасал, хотя и очень, очень, медленно. Прошел еще час: Око дельфина горело уже совсем тускло. Что же там происходит? В полночь маяк в последний раз блеснул слабым бескровным лучом и угас.

Стайлз, потрясенный, вскочил на ноги. Нервная дрожь исчезла, когда он спокойно, но быстро вошел в дом и зажег огонь. Он отрубил от каната два толстых конца, плотно перевязал их бечевкой и сложил их в пустое ведро. Канистра с керосином стояла тут же, за дверью, он вылил из нее в ведро треть содержимого. Багор, с которым Хуан совершал свои путешествия к маяку, он видел еще вчера около ялика. Он открыл стол и достал нож — острый, с прямым клинком нож в

инкрустированных ножнах, с ручкой, сделанной из моржового клыка,— подарок шведского моряка.

Там, внизу, Стайлз поставил ведро с факелами на корму ялика, придавил его багром и плоским камнем, чтобы оно не опрокинулось во время качки. Затем осторожно начал сталкивать ялик на волну. Даже здесь, в бухте Хуана, прибой был довольно сильным. Волна дважды по пояс захлестнула Стайлза, прежде чем он прыгнул в ялик. Экономя силы, он начал грести...

Он не знал, сколько прошло времени. Он греб и греб, ругаясь давнишними морскими ругательствами, когда вода уходила от него вниз и весла срывались с нее, кидая Стайлза назад. Он с трудом сориентировался по расплывчатым, еле заметным силуэтам рудничных строений, преодолел течение пролива и направил ялик под защиту вчерашних скал, к песчаной отмели. Стайлз вытащил ялик по отлогому спуску. Он взял багор, ведро с факелами, проверил сохранность спичек и осторожно, на ощупь, пошел к маяку. Он сел на камень, чтобы отдышаться: Око дельфина было совсем рядом. Шторм нарастал, ошметки пены с гребней волн долетали даже сюда. Шум воды со всех сторон давил, надвигался, заполняя весь мир, и Стайлз вдруг остро, впервые ощутил безбрежность воды и свое одиночество.

Никогда, никогда в жизни не был он так одинок, как сейчас. Слепое Око дельфина еле угадывалось во тьме, океан шумел отрешенно и мощно. Но, может быть, сейчас где-то в этой черной безбрежной стихии идет заветное судно... Море бросает его с волны на волну, но капитан тщетно глядит в бесконечную темень и никто и ничто не предупредит его о жестокой опасности. Какая же сила вот уже четвертую ночь подряд гасит Око дельфина? Может быть, и впрямь существует нечто потустороннее, не понятное и не подвластное никому и ничему в мире. Но он должен зажечь огонь этого маяка! Он стар, но он ничего не боится. Чего может бояться человек, если он давно разучился бояться смерти? Да, но ты не боишься лишь собственной смерти. Только своей, собственной смерти. Смерть, например, Хуана тебе все так же страшна. Питер Стайлз трусливо спрятал куда-то в глубь сознания другое, бесконечно дорогое ему имя... Но оно вновь и вновь всплывало, прояснялось в его мозгу. И тогда он одним рывком поднялся с камня. Теперь он снова чувствовал силу своих мышц, он был снова силен и молод. Его движения независимо от сознания вдруг стали стремительны, бесшумны и целенаправленны. Он по-кошачьи быстро достиг маяка. Сердце его билось так же бесшумно и сильно, как в молодости. Он ловко нацепил на багор факел и, не зажигая его, начал осторожно двигаться вверх по отлогой спирали кладки. Темнота и безмолвие маяка жили отдельно от безбрежного, всесветного океанского шума. Стайлз осторожно двигался вверх, к площадке. Вот она, эта площадка, он поставил ногу потверже и затаил дыхание. Все было тихо и беспросветно. Лишь красноватое пятно света слабо краснело в центре круглого железного колпака, заменявшего крышу. Стайлз, холодея и становясь как бы совсем бесплотным, тихо достал спички. Он умел зажигать спички одной рукой. Он зажег спичку и быстро прикоснулся огнем к факелу. Факел вспыхнул, Стайлз поднял его над головой. Питер Стайлз чуть не выронил багор с факелом, его охватила дрожь омерзения...

Стеклянный цилиндр горелки Ауэра был сплошь оплетен змеями. Они свились вокруг огня плотным клубком, пространства в петлях и кольцах более крупные заполнены были более мелкими, которые все еще проникали в эти пространства, ища свою долю тепла и света. Поэтому весь клубок еле заметно двигался, все это происходило совершенно бесшумно и даже несколько деловито. Две или три крупные рептилии с ромбическими узорами на жгутообразных телах составляли основу клубка. Дальше явственно различались пятнистые тела коралловых аспидов, переплетенных в кольца более темных рогатых випер и уже совсем тонких медяниц. Две или три головки изящно качались в воздухе, обнажая раздвоенные язычки, они с легким шипением клонились то вправо, то влево. Питер Стайлз не мог выдержать этого подлого зрелища. Он прямо в ведре запалил второй факел, сбросил на плиты первый и начал осторожно и с отвращением растаскивать багром змеиный клубок. Змеи, наращивая шипение, начали неохотно сползать с цилиндра, клубок ожил, зашевелился. Стайлз стоял теперь не двигаясь. Змеи убыстряли перистальтические движения. Они одна за другой сползали на плиты, извивались, двигались вниз, обтекая человека... Стекло цилиндра медленно освобождалось, вот осветились и замерцали маячные линзы, свет ударил в зеркальный вогнутый отражатель, и Око дельфина ожило. Маяк послал первый сигнал в ночной мрак гремящего водой океана.

А они все ползли и ползли, трусливо обтекая человека, исчезая внизу вместе с шипением. Наконец хвост последней виперы исчез в темноте, и Стайлз удивился собственному спокойствию. Кому же впервые пришло в голову сделать змею олицетворением мудрости? Твари. Жалкие, подлые, бездарные твари! Вам хочется тепла и света, как и всем жалким, трусливым тварям. Пока вас греет щедрое и благородное солнце, вы недвижно лежите на горячих камнях, переваривая свою жалкую пищу. И только одна жажда продолжения рода заставляет вас сближаться друг с другом. Но солнце не может круглые сутки давать вам свет и тепло. И тогда вы устремляетесь к источнику света, который создан человеком... Питер Стайлз глядел на мощный огонь маяка и думал. Что ж, он может преодолеть отвращение, он может понять стремление этих жалких созданий. Но ведь свет маяка нужен всему океану. Почему же им, этим созданиям, нет до этого дела? Привыкшим к даровому теплу, к свету чужой мудрости, им чудится право на любое, не созданное ими тепло. А может, им вовсе не нужно тепло, а только один голый холодный свет? О, тогда надо признать змеиную мудрость, холодную, жестокую, которая никогда не может стать человеческой. Но даже такая мудрость — всего лишь беспомощность. Не потому ли их так много и так они эгоистичны, что жалки и беспомощны? Они жадно стремятся к свету, не замечая, что и сам он, этот свет, задыхается от их близости. И все же они жалки со своим смертоносным ядом. Их зубы остры и безжалостны, но их все равно жаль, и это не похоже на ненависть. Они жалят сильных от собственного бессилия, потому что умеют лишь пресмыкаться. И поэтому их жаль, но им никогда не понять этой жалости. Не потому ли они так жестоко мстят жалеющим их?!

...Стайлз долго стоял на холодных маячных плитах. Факелы догорали. Око дельфина освещало в темноте штормовое безбрежье.

Он подошел ближе и еще раз проверил устройство. На кронштейне линзы безжизненно висело тело небольшой, видимо, погибшей змеи. Он наклонился, рассматривая это жалкое погибшее существо. И вдруг змейка, стремительно выгнувшись, ткнулась головкой под нижнюю челюсть Питера Стайлза...

* * *

Он еще сумел дождаться рассвета и, опираясь на багор, добраться до ялика. Тошнота и головокружение стали сильнее, когда он, тратя последние силы, в три приема стащил ялик к воде и перевалился через его борт. Но теперь сознание уже покидало Питера Стайлза. Подхваченный волнами, ялик медленно выметался на середину бухточки, несколько раз ударился бортом о прибрежные скалы. Затем его подхватило течением залива и вынесло в океан, который все так же отрешенно и широко шумел вокруг.